

УДК 39

Концепция этногенеза Л. Гумилева в стихах

Семенов Виталий Меркурьевич, кандидат философских наук

merkur26@yandex.ru

Аннотация: В статье используется историческая периодизация жизнедеятельности этносов, открытая и обоснованная отечественным ученым Л. Н. Гумилевым, для демонстрации определенного сходства процесса этногенеза с индивидуальной жизнью человека. Автор попытался выразить неизбежные возрастные различия через одно из чувств в жизни человека, вероятно, главное — Любовь, в стихотворной форме. **Ключевые слова:** этногенез, теория этногенеза, Гумилев.

В известном романсе поется: «А напоследок я скажу...». Возникло желание вновь напомнить о теории этногенеза, созданной выдающимся ученым Л. Гумилевым, но в оформлении моих авторских стихотворных, поэтических арабесок.

Согласно оригинальной этнологической концепции Л. Гумилева, все этносы (народы), после появления на сцене Истории, проживают различные периоды (названные ученым фазами этногенеза), с присущими себе особенностями и внутренними противоречиями развития. Для каждого периода характерны различные уровни пассионарного напряжения (внутренней энергетики) как этнической

системы в целом, так и отдельных индивидов [1, с. 91–381 и др. его работы], часто именуемых этнофорами.

Пассионарность, т. е. высокая степень активности индивидов, сублимируется во все направления внутри- и межэтнической человеческой деятельности. Она преобразуется в хозяйственно-экономической, социально-политической, художественно-эстетической, демографической, миграционной результативной направленности. Она претворяется в создаваемые людьми материальными и духовными продуктами — многообразные культурные ценности. Да и сама степень пассионарности различна на разных стадиях развития

UDC 39

Gumilev's concept of ethnogenesis in verse

Semenov Vitaliy Merkur'evich, candidate of sciences (philosophy)

merkur26@yandex.ru

Annotation: The article uses the historical periodization of the life activity of ethnic groups, discovered and justified by the Russian scientist L. N. Gumilev, to demonstrate a certain similarity of the process of ethnogenesis with the individual life of a person. The author tried to Express the inevitable age differences through one of the feelings in a person's life, probably the main thing — Love, in poetic form. **Key-words:** ethnogenesis, theory of ethnogenesis, Gumilev.

этноса, определяя его «историческое лицо» и в масштабных, и в локальных общественных процессах.

Каждой фазе этногенеза в процессе *филогенеза* этноса, имманентен свой социально-значимый *поведенческий* императив, определенный *стереотип* целенаправленных действий. Он обнаруживает себя в символах-целях от: в оригинальной трактовке Л. Гумилева: «Надо исправить мир, ибо он плох», до: «А нам ничего не надо», достигнув завершающей стадии почти животного существования. И так действует основная масса индивидов, несмотря на поколенчески-возрастные, гендерные, классово-сословные, профессиональные и др. различия между ними.

Если, конечно, не учитывать истребления в войнах, как например этносов-племен кимбров и тевтонов в древнеримской истории, 102–101 гг. до н. э., или исчезновения Крито-Минийской цивилизации, ее этнонаселения в результате экологической катастрофы, за полторы тысячи лет до новой эры.

Более или менее известные в истории народы прошли (или пройдут) в своем развитии фазу *появления* на «Свет Божий», интенсивного роста своей численности; фазу усиливающегося *пассионарного* напряжения (*подъема*), максимальной энергетической зрелости (*акме*).

Затем, как продемонстрировал исторический опыт, следуют: фаза этнического *над-*

лома, последующая фаза стабилизации (*инерция*), период медленного угасания, наконец, ухода (*мемориальная фаза*) со сцены Истории. Но сохраняется реальная возможность возрождения в другой этнической системе. Жизненное пространство этноса — приблизительно 1200–1500 лет.

Но и в жизни каждого отдельного человека отчетливо видны особенности чувственно-практической и мыслительной деятельности, заметна несхожесть поведенческих актов в различных периодах его социобиологического цикла. Таксономически эти периоды поэтапно «разбиваемы» на стадии рождения и детства, юности и молодости, наступающей зрелости, возрастного надлома («климакса»), некоторой усталости, старости и смерти.

В своем *онтогенезе* индивид в сокращенном, концентрированном виде как бы повторяет и воспроизводит процесс *филогенеза* человека как вида, так же, как и «родного» этноса, да и человечества в целом. Известный мыслитель Л. Карсавин заметил в своей работе «Философия истории», что «история индивидуальности неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще... Личность индивидуализирует тенденции эпохи, национальности, культуры...» [2, с. 86].

Более того, в различных произведениях культуры проявляются и возрастные отличия создававших их авторов (молодость, зрелость, старость) в живописи, музыке, литературе, поэзии и пр.

Например, погружаясь в изумительные по художественной красоте, богатству чувств и мыслей стихи и поэмы таких российских поэ-

тических гениев, как Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Блок, Есенин, Маяковский, Цветаева и др., постоянно сожалеешь о том, что они слишком рано погибли или умерли. Они не успели еще более обогатить русскую культуру, как и мировую, произведениями своего зрелого, «седовласого» возраста.

Но нельзя не видеть того факта, что вышеназванные поэты обладали поразительной способностью проникать в психологию людей зрелой возрастной категории (достаточно вспомнить «Бориса Годунова» Пушкина или «Маскарад» Лермонтова). Читая же произведения Тютчева, Фета, Пастернака, Ахматовой, проживших достаточно долгую жизнь, чувствуешь, как в их творчестве, любовной лирике, с художественной ясностью манифестируются изменения в психоэмоциональной энергетике, связанных именно с возрастными различиями поэтов в индивидуальном жизненном пространстве.

Через их поэтическое творчество лучше и яснее для себя понимаешь, как юношески обостренное восприятие мира, людей, любимых, очарованности природой, различной степени страданий от воздействий жизни, перерастают в мудрую печаль зрелости (вспомним Ветхозаветный Экклезиаст с его бессмертным наблюдением: «...во многой мудрости много печали; и кто умножает знания, умножает скорбь»).

Возможно, у каждого человека в зрелом возрасте возникает желание внести свою посильную лепту в разъяснение или обоснование высказанных ранее *положений, наблюдений, даже, осторожно, утверждений*, с помощью

различных имеющихся интеллектуальных способностей, жизненного опыта, накопленных средств и приемов общения, в том числе и в стихотворческих, поэтических.

Каждая личность на закате жизни переполнена воспоминаниями о прошлом, сохраняет и ежедневно испытывает достаточно сложную гамму чувств в настоящем, наблюдая за взрывами страстей в поведении как близких, просто видимых людей, так и далеких (телевидение, радио, интернет, слухи).

Впадая, как и все другие «человеки», по тому или иному поводу в состояние радостного возбуждения, или, напротив, пребывая в настроениях печали и тоски, я также попытался в стихотворной форме выразить те чувства и эмоции, которые овладевают нашими умами, душами и сердцами в разные периоды жизни.

Они, эти чувства в зрелом возрасте «седых волос», как мне теперь представляется, не менее остры и глубоки, чем в молодости. Но теперь и я лично, и мои сверстники, с накоплением жизненного опыта можем их лучше контролировать и осмысливать с помощью того тоненького культурного слоя сознания «Сверх-Я», о котором писал, как говорится, «старик З. Фрейд».

Для демонстрирования определенного сходства процесса этногенеза с индивидуальной жизнью человека, мною, повторяю, использована историческая периодизация жизнедеятельности этносов, открытую и обоснованную нашим выдающимся ученым Л. Н. Гумилевым, сыном талантливых отечественных поэтов — Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой.

вой.

Я попытался выразить неизбежные возрастные различия только через одно чувство в жизни человека, вероятно, главное — Любовь...

1. Фаза рождения и подъема этноса является и через собственную историческую эволюцию, и в периодах детства, юности и молодости его отдельного *индивида*.

Для *первого* (этноса) — это становление в результате пассионарного толчка и бурного развития самой этнической системы, резкий рост ее активности, сопровождаемый демографическим взрывом, завоевыванием себе «места под солнцем», нередко за счет соседей, и т. п.

Для *второго* (индивида) — это ускоряющийся процесс познания жизни, людей, обретение собственной «Я-идентичности», острота чувств, влюбчивость, в собственной психике — детско-подростковая непримиримость, часто и юношеская «упертость».

Люблю!

С ума схожу от дивной красоты,
От черных глаз — пронзительных и робких;
Уходишь — крикну вслед: «Постой! Куда же ты?

Оставь на память мне свой голос кроткий!»

Я ненавижу хлопнувшую *дверь*,
Тебя укравшей, от меня закрывшей;
Будь проклят *лифт*: как ненасытный зверь
Схватил в объятья, жадно проглотивший!

Как завести часы, остановивших день?
Застывших стрелок копья — разломать бы!
Всем, кто твою тревожит даже тень,
Желаю в тайне: «Не дожить до свадьбы!».

Но — «Кончен бал!» — и встречных толп
глаза

Ласкают душу; жизнь не оплатишь!
Я лифт боготворю: он *возвратил* тебя,
Я дверь *целую*, распахнувши настежь!

2. Акматическая фаза в развитии этноса — время наивысшего пассионарного, общностного напряжения, интенсивности процессов, возмужалости самой этнической системы, усложнения социальной структуры; происходит и учащение межличностных и межсловных конфликтов. Это время важных, заметных жизненных исторических событий; возникают и военные конфликты с соседями с многочисленными жертвами.

Для отдельного человека (примерно 30–55 лет) — это период расцвета деловой, интеллектуальной активности, нередко с конфликтами, наполненности жизни, воспитания детей, карьерных успехов, признания. Неслучайно древние греки 45-летний возраст называли «возрастом акме» — периодом высшей мужской зрелости. Полнота и сила чувств не меньшая, чем в молодости, но она уже более осмыслена.

Моей «Лолите»

Как доказать тебе, что страстная любовь
Жжет душу в юности и в возрасте седин!

Промчались годы, но взорвались вновь
Те чувства, что не ведают морщин...

Как сердце бьется бешено в тот миг,
Когда коснусь тебя в случайной встрече;
И пыткой мне твой равнодушный лик:
Что я, что осени ненастный вечер...

Но взглянешь — словно острые клинки
Рвут тело! Кровь несется лавой
По коже; вот рваные куски
Пылают подо мною в луже алой...

Так безнадежно пропадает жизнь
В безумных рокотах земных страданий;
Но чем она была б, не одарив
Букетом всех несбывшихся желаний?!

3. Фаза этнического надлома — время расплаты за гибель ярко выраженных *пассионарных* личностей. Этнический надлом сублимируется в социальные, экономические и политические потрясения. В общностно-этническом сознании разрушается прежний стереотип поведения в связи с возникновением у различных слоев населения противоположных ценностных ориентаций, разных интересов, вождельных целей и т. п. Изменения в психическом состоянии людей трансформируются в экономическую, политическую, социальную, интеллектуальную нестабильность.

Для индивида (возраста примерно 50–65 лет) этот период нередко связан с болезненными душевными и психическими надрывами, временной дезорганизацией функций

организма, ослаблением деятельности сердечно-сосудистой системы, интеллектуальной и моральной неудовлетворенностью — все то, что связано с так называемым климатическим периодом.

Разочарование жизнью, *самобичевание*, уход из семьи («седина в бороду — бес в ребро»), алкогольное забытие — в этом возрасте *нередко*.

Исповедь

*«Обижают и врагов, и друзей,
потому что первых обидеть легко,
а вторых приятно».*
Аристотель

Слова, что с грустью молвил гений,
Тщеславье ярмарки познав,
Людских пороков грех узнав:
«...Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет», —
Я повторяю как Завет;
Они мешают спать ночами,
А днем — замучают печалью...

Мы часто всуе произносим
Слова о дружбе и любви,
И добродетели возносим!..
А правда? Стыдно до тоски,
Когда заглянешь трезво в душу:
Там Мефистофель совесть душит!..

Легко обиды мы наносим,
Смеясь, затем, прощенье просим;
Прошедший день для нас — игра:

Что будет завтра, что вчера —
Пустое все! Лишь только — «Я»
Как гром с небес — для всех! Себя!
Восторг в душе, когда возносятся,
Бревно в своем глазу — волосик,
А прыщик на чужом лице —
Злорадством пляшет в пошлеце!

Мы «любим» просто: дом, беседка,
Жена ль, сотрудница, соседка, —
Набор банальностей: цветы,
Бутылка, шпроты — и «в кусты!».
Нам все едино, с кем лежать,
Не важно: стол, палас, кровать, —
И вся премудрость такова
(проста, как сорная трава):
Слегка поерзать, попыхтеть,
Слезу пустить, сказать успеть:
«Устал, начальник — злобный хан,
Не ценит ум, лишь кнут да брань!
Вот если б я делами правил —
Вмиг всю страну туда б направил,
Где золото в мешках несут,
И все, как Ротшильды, живут!».

Споткнется друг — спешим помочь
Ему упасть; и тут же прочь
Сбежим трусливо, слыша: кость
Хрустит в пораненной груди,
И кровь фонтаном, руки плети, —
В душе ему желаем смерти!
Он шел по жизни впереди:

Был весельчак, игрок, проказник,
С друзьями пил, везучий бабник,
В делах он спец, в быту шутник, —

Ему таланты кто простит!
 Вот и награда: зависть, злость
 (внезапно вспомнил рифму: «кость»);
 За прегрешенья наказать:
 Он должен под плитой лежать!»...

И вдруг случилось! — с умилением,
 А пуще — с буйным упоением
 Над прахом пламенную речь
 Споем с листа: «Наш друг, прости!
 До райских кущей донеси
 Все наше горе! Лучше б в печь
 Нас затолкали! Кто затмит
 Твой ум, таланты! Заменить
 Никто не сможет! Только ты
 Умел осуществлять мечты,
 И вел нас в церковь — пьяный сброд
 Там превращался вновь в народ!».

Так над могилой битый час
 Вопящих не смолкает глас...
 Затем, соседу вслед шипя,
 Мы разбежимся, торопясь,
 На тризне рюмку пропустив,
 В усмешке губы искривив:
 Со школьных лет мы знаем твердо:
 В России любят *только* мертвых!..

Вот и живем с душой холодной;
 Но протрубим кому угодно
 Про честь и совесть; и хотим,
 Себя перстами окрестив,
 Поступков подлость оправдать,
 Святей Христа себя считать!..

И дрыхнем на перине пухлой,

Не чуя запах рыбы тухлой...

4. Фаза этнической инерции: для этноса наступает время успокоения после драматизма фазы надлома. Наблюдается некоторое *повышение* пассионарности с дальнейшим плавным *снижением* его уровня. Характерными признаками инерции выступают укрепление государственной власти и социальных институтов, происходит интенсивное накопление материальных и духовно-культурных ценностей.

В жизни индивида заметно наступление определенного периода стабильного равновесия с окружающим миром и с самим собой. Приходит понимание пределов возможного удовлетворения своих желаний; «золотая осень» (60–70 лет и далее) — это время заслуженных наград, появление внуков, приобретает мудрая осмысленность жизни, формируется более весомая гармония чувств и с людьми, и с природой — «блаженство и безнадёжность» (Ф. Тютчев).

Прощанье

Грустный взгляд на прощанье у синих ворот,
 Чуть таинственный ласковый девичий лепет;

Я смотрел, как тебя украдет поворот,
 Слышал эхо шагов затихающий шелест.

Ты ушла... Навсегда? Где-то колокол
 вскрикнул,
 Ветерок шевельнул седину у виска;

Ты ушла... Навсегда? Где-то колокол
 вскрикнул,
 Ветерок шевельнул седину у виска;

Ветерок шевельнул седину у виска;

Воробей мне с березы устало чирикнул,
И осталась в душе безнадежья тоска...

Ты в тревожных ко мне возвращаешься
снах,

В тихом шорохе листьев кленовых опав-
ших,

Что с улыбкою доброй смотрели на нас,

По дорожкам измученным, нас провожав-
ших.

Слышу твой голосок в звуках нежной ме-
лодии,

Ты — в прощальных мольбах уходящего
дня;

Тихо плачет в душе песнь печальной рап-
содии,

И вечерняя тень обнимает меня...

5. Для фазы обскурации, плавно пере-
ходящей в мемориальную фазу, имманентны
снижение пассионарного напряжения в эт-
нической системе до уровня, при котором от-
сутствует потребность в значительных целях
и больших результатах, развитие тускнеет, в
норме — довольствие малым, в обществен-
ном развитии — тихое брожение.

Для индивида (свыше 70–75 лет) — это
наступление старости, болезней, ослабление
силы, яркости эмоций (конечно, есть исклю-
чения, а в современном обществе их количе-
ство стремительно растет).

Но жизнь продолжается по принципу
«хоть день, да мой!»; имеющаяся в запасе
энергия расходуется в виде часовых сидений
на скамейках, играх в домино или в карты, а

в чувствах, нередко, превалирует усталость,
уныние, зависть; иногда — коротенькие
«взбрыкивания».

Старик и девушка

Как сладка молодость, как чувственность
жива

В твоих губах, движеньях, звонком смехе!

И к небесам летит моя мольба:

Хочу сменить осенний год на летний!

Ты душу от греха закрыла на засов,

Слабеющей руки посланья рвутся в клочья;

Зачем нужна девчонке та любовь,

Что старца мучает и днем, и ночью?

Злой чертик посмеялся надо мной,

Вильнул хвостом — и спрятался в чулане;

А из-за туч Амур своей стрелой

Шутя, нанес другую сердцу рану.

Пора поэта вспомнить приговор,

Коль прыгаешь щенком задорным:

Смешон «сварливый старческий задор»,

Он «старческой любви позорней»...

6. Мемориальная фаза — процесс распа-
да этнической системы, потеря ею внутрен-
ней энергетики, но при сохранении реальной
возможности передать природную генетику и
часть своих культурных ценностей новым эт-
носам; например, разложение древнерусской
народности (Киевская Русь) привело к обра-
зованию новых народов: великороссов (рус-
ских), малороссов (украинцев) и белорусов.

Потеря жизненной энергии (витальности) отдельным индивидом также означает смерть, но продолжают жить дети и внуки. Важно понимать, что более или менее долго живут результаты его рукотворной и интеллектуальной деятельности (именно в этом, на мой взгляд, заключается бессмертие индивидов-личностей), жизнь продолжается и далеко не случайно одна из последних книг Л. Гумилева называется «Конец и вновь начало».

Завещание

Будет день или ночь, я уйду навсегда,
Голос смолкнет, в глазах остановится
жизнь;

Ваши стоны никак не затронут меня,
И навеки застынет последняя мысль.

Кто-то зло посмеется: — «Не жаль, что по-
дох!»;

Кто-то вспомнит, как грустные песни я
пел;

Проводите меня на печальный Погост,
Там Кресты охраняют молчание тел.

Бросьте горстку земли из ладони своей,
Пусть тепло ваших рук сохранится в песке;

Примечания

1. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М., 1994.

2. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб, 1993.

Позовите к прощанью немногих друзей:
Может, я отражусь в чьей-то чистой слезе.

Я прошу, не забудьте, ведь сердце мое
Звонко билось когда-то в родной стороне,
Где березы с цветами о чем-то своем
Тихо песни поют, приглашая к себе.

Пусть они на закате чуть-чуть погрустят
Обо мне, увезенном в безбрежную даль
В годы детства далекого, верю, простят,
Что не смог я вернуть им сердечную дань.

К вам, живым, обращаюсь с последней
мольбой:

Не судите вослед, был я робок, иль смел,
Просто жаль, что, возможно, исчезнет со
мною

Та любовь, что я вам подарить не успел.

Человек живет, пока способен любить. Но
и после смерти он продолжает дарить свою
нерастрченную прижизненную любовь в
созданных им творениях, материальных и ду-
ховных.

Желаю творческих успехов всем возмож-
ным читателям!

Notes (*transliteration*)

1. Gumilev L. N. The end and again the begin-
ning. Moscow, 1994 (in Russ.).

2. Karsavin L. P. Philosophy of history. Saint Pe-
tersburg, 1993 (in Russ.).